

Состав спецгруппы сталкеров

1. Командир специальной группы сталкеров — Константин Лунев, русский, 32 года, м. р. — г. Городец Нижегородской обл., в/о, инженер-механик, электромеханик, автомеханик, женат, дочка, водитель авто- и гусеничной техники, машинист СДМ¹, с/с танковые войска, механик-водитель БМП-2, мл. сержант, КМС (вольная борьба), сталкер-боец, рейдер высшей категории автономности, р/п «Кастет».

2. Сталкер — Михаил Сомов, русский, 31 год, м.р. — г. Нижний Новгород, с/о, монтажник металлоконструкций, холост, водитель авто- и гусеничной техники, механик-водитель БМД, с/с воздушно-десантные войска, ком. отделения, старшина, спорт. турист 5-й кат. сложности, сталкер-боец, рейдер высшей категории автономности, р/п «Гоблин».

Сейчас: возвращаются в ППД после выполнения особо важного задания на планете Земля. Лежат в неизвестной местности.

Р а с с к а з ы в а е т: Константин Лунев.

¹ Строительные и дорожные машины.

ГЛАВА 1

Шмяк! Где разминаем кости, коллега?

Когда тебе хорошо, травинки ласково щекочут лицо.

Когда плохо — режут кожу раскаленным рифленным штампом.

Словно с крепчайшего бодуна... Лежу мордой в мясной тарелке, а некогда аккуратнo уложенные ломтики сырокопченной отпечатываются на левой щеке. На правой — адекватная вмятина от одинокой маслины. С косточкой.

Я отчетливо вспомнил, как сюрреалистическая реальность мгновений переноса, мягко толкнувшись в твердое тело материального мира, отлетела в сторону, пружинисто подпрыгнула и вновь опустилась, вибрируя и дрожа киселем, — выпускала. Еще помню последнюю космопозицию. Висел в воздухе над серым пологом, словно мастер парашютного спорта, руки-ноги в стороны. Невысоко висел, в метре от силы. Ни страха, ни особого изумления не почувствовал, просто не успел.

Затем все вокруг стало матовым, серый туман приблизился настолько, что я рук не видел. Потом что-то произошло. Меня поддернуло и покачало вместе с туманом. Хлоп! Туман словно взорвался.

Остаточный белый шум перед глазами, тошнота, холодный страх...

А потом — шмяк! И провал. С оливкой на щеке.

Пошевелил ногами. И тут земля буквально начала уходить из-под ступней. Трахома! Я вообще в обуви? Где? Там что, обрыв? Пошевелил еще раз, вяло — посыпался какой-то песочек, треснула веточка. Ступня уперлась в землю. И это хорошо... Туманная пелена перед глазами постепенно начала рассеиваться.

Морду от тарелки оторви!

Перевернувшись, я застонал от резкой боли, кожу на лице саднило.

— Уй-и-а...

Развалив плечи по мягкой, чуть влажной траве, резко вдохнул, расправляя легкие, попытался подтянуть руку к глазам. Сразу не получилось. Тогда просто открой глаза! Открыл — и не нашел ни секунды для размышлений или хотя бы инстинктивной реакции: сверху на меня летела легкая веточка в три зубчатых листа. Зелеными. Свежими.

Просто опять закрыл глаза. Упала на щеку и скатилась.

— Подвиг переворотом, — прошептал я. — И-и, раз!

Стремительным домкратом перевернувшись на левый бок, я подтянул локоть под ребра, чтобы не скатиться на живот.

Хорошо, что день на дворе: хоть что-то видно сквозь пленку на зрачках. Причем день стоит совсем не летний, во всяком случае отнюдь не теплый, и это первая проблема, Кастет, ибо в родных краях по календарю должна быть весна в самом разгаре.

Проще говоря, холодновато. Точно так же, как в Дагомысе. Неужели там и остались? Нет, последствия переноса чувствуются.

А ведь ты в куртке, очень хорошей, между прочим. Мышцы холодные. Последствия анабиоза? Отлично помню, что оделись грамотно...

Стоп, память, это потом! Ноги-то как, целы? А руки?

Пощупал-потискал, вроде все в норме, только грудь немного побаливает — с высоты все-таки упал, хоть и на местный пухляк. Черноземом тут и не пахло, пахло свежим и не очень сеном, прошлогодней грибницей, немного гнилью и сыростью. Травы много, короткой и густой, она-то и помогла уцелеть костями. Встать смогу? Я медленно подтянул колени, трава подозрительно зашуршала, и тут меня пробило страшной догадкой, заставившей вскрикнуть:

— Падла, змеи!

Ага, могу шевелиться, вон как подхватился! Сел. Голова сразу закружилась.

Трахома, где Гоблин?! Он был рядом, мы за руки держались!

В реале голос работает, не проглотил язык от страха?

— Мишка!

Тишина.

— Гоблин, ты где?

Зараза, никак не могу толком разлепить глаза.

— Э-ге-гей! Э-гей!!! Сомов, ты где?!

Казалось, что кричу громко. Прислушался. Опять нет ответа. Крикнуть, что ли, знаменитое «памагитя»? Нет, палево, лажуха полная, надо самому пробовать... В конце концов, поблизости вроде ничего не горит, не топит, никто не кусает.

Сил все еще не было, и я опять лег на спину. Уже и глаза открываются... Над головой среди туч проглядывается серое небо.

— Гоблин, падла, не пропадай! Э-ге-гей! Э-гей!!! Меня слышно, а?! — И зачем-то добавил: — Помощь кому-нибудь квалифицированная требуется?

А про себя произнес: «Только сперва на ноги встать помогите».

— Гоб!

Неподалеку кто-то тихо застонал.

Есть! Он рядом! Я приподнял голову и потрянул черепом два раза, облизал пересохшие губы — все еще не прошло. С-сука...

— Сомов, ты цел?

— Наотшиб приняли, черти, — раздался хриплый голос. — Живой. Мутит. Лежу...

Так, пока допрос окончен. На ноги надо встать, надо, Костя. Ладно, информация треба, пора возвращаться в свет божий.

Где. Мы. Находимся?

Воздух годный. Климат в пределах нормы. Среда? Так выясняй!

Неподалеку на траве лежала хорошая толстая палка. Кривая, но это ничего, сойдет.

Я подтянулся на локтях и осторожно пополз к ней — куда сейчас без палки... Медленно протянул руку. Все равно не достаю! Опять устал! Ну, переносчики, найти бы вас да поговорить с глазу на глаз по душам... И все-таки мне было уже проще — чуть в стороне из земли торчал толстенный коричневый корень, узловатый, местами пупырчатый, вполне-вполне. Я примерился, уперся в него правой ногой. Думаете, на мне хорошие высокотехнологичные ботинки? Водоотталкивающие всесезонки с вибрамами — и на гололеде красота, и вода не пробивает? Не-а. Сапоги.

Р-раз! Сделано! Достал! Теперь у меня есть самый главный для человекообразной обезьяны предмет — палка. Почти высохшая деревяха, кора облетела. Длиной примерно в полтора метра. Твердое дерево, доброе. Орудие труда.

И вставай, вставай, не жди, не то опять рухнешь! А чуть потрясывает — так это от страха, это нормально.

Стою! Ох, елки ж... Не шевелись пока особо! Лес... Высокий! Матерый. Поляна.

Быстрее думай! Что еще видишь?

— Кастет!

— Я уже встал. Мишка, не торопись, у тебя масса больше. Очухивайся, я рядом.

— Хорошо, — простонал друг.

Зажав в руке столь важный для меня предмет, я, разлепив пересохший рот, смотрел на открывшийся пейзаж. Даже сделал пару шагов вперед, дурачина. Чуть не упал. Все-все... Лучше бы сесть, честное слово, в следующий раз так дергаться не буду — сердце выскочит.

В шести метрах от того места, где я, кáличный, стою, — стена невысокого осинника. Мы находимся на самом краю большой поляны, которую окружает высокий хвойный лес. Душистый воздух. Сосны и ели. Обзора — ноль, мешает осинник впереди, большая часть поляны закрыта.

— Это Платформа-5, Кастет.

— Не факт, — сказал я на всякий случай и повторил уже для себя, суеверного, чтобы все-таки сладилось, чтобы на контрходе: — Не факт.

А ведь это точно Платформа, чуйка работает. Теоретически у нее может быть другой порядковый номер.

— Не может, это наша полянка, — привычно прочитав мои мысли, бросил напарник и приподнялся на локте. — Не пошлют удальцов Смотрящие во вторую командировку без продыху. Сдохнем от моральной усталости.

И с этим согласен. О широтности говорить рано — звезды нужны, а их нет. Может, группа оказалась в Южном полушарии? Снега не видно, однако здесь похолодней, чем в это время года должно быть на широте Замка.

Что-то зашуршало с левой стороны, там, где осинки упираются в здоровенные стволы сосен. Привстав на цыпочки, я тревожно посмотрел туда, стараясь оценить степень прямой или гипотетической опасности. Вроде никто не ломится, не ползет, не летит, не рычит на непрошенных гостей.

— Палку дать?

— Кидай.

Все, пока можно сесть.

Мишка с трудом подполз ближе, потом тоже сел, зажав деревьяху в руке.

— Что-то надоело мне валяться. Может, размяться по-скоростному?

— Прекрати, Гоб. Не мальчик. Ты лучше скажи — где наши рюкзаки?

— И стволы... Ни «тигра», ни «спектра».

Конечно, может быть и так, что рюкзаки скрывает более высокая трава за спиной, а стволы улетели подальше, только предчувствия не обманешь.

— Помнишь рассказ Потапова, Костя? Как он на Платформу попал?

Еще бы... Этот рассказ потом все наши ученые анализировали.

Патронташ у Потапова оказался на месте, с дробовыми патронами 12-го калибра. А вот «сайга» исчезла в неизвестном направлении. Он честно искал, для начала в радиусе десяти метров перед собой, решив, что дальше десяти при таких способах заброса ружье никак не отлетит. Потом радиус расширил. Так и не нашел...

— Подвесили нас, Кастет, на унылое. Забрали родное! Так, трахома. Отсюда выберемся, это без вопросов. Дело привычное, тут никакой паники. Вопрос лишь в степени трудоемкости процесса. Без стволов плохо.

Прохлопался. Кобура!

— Гоб, мой кольт на месте.

Напарник в волнении достаточно быстро сел, тоже хлопнул ладонью по поясу.

— Мой немец тоже!

— Патроны?

Тима Хаердинов, молодой парнишка из научной группы Гольдбрейха, предположил, что при переносе живой объект катапультируется не цельным телом в одежках-застежках, а некими отдельными модулями, которые затем собираются системой заново непосредственно перед приземлением. С определенной степенью дискриминации. И зависит она от степени штатности метода.

Метод нашего переброта — он того... не особо штатный. Ну что, предупреждали.

Недособрали, хари козлиные! И что с патронами? Я полез по карманам без особых надежд на чудо, заранее зная, сколько у меня боеприпаса. Три магазина, из которых один в пистолете.

— У тебя сколько?

— Четыре магази, — грустно ответил Мишка.

Мы, не сговариваясь, достали оружие на проверку. Однако если я только выщелкнул, глянул и вбил обратно, то Гоблин начал вынимать патроны из того магазина, что был в парабеллуме, внимательно разглядывая каждый.

— Думаешь, подменили на холостые?

— Кто их знает, чертей... У меня, кстати, одна граната с собой осталась.

— Ого! Проверь!

— В смысле?

— Вдруг помялась?

Гоблин щелкнул железякой и спрятал пистолет в кобур.

— Остришь? Пошли ружья искать.

Пойдем, непременно пойдем, родной, что еще делать?

Где-то рядом журчала вода. Ручей. Елки, как хочется пить! Моя фляга лежала в рюкзаке, Сомов, словно индийский боевой слон, даже в спокойной ситуации может носить на себе целую кучу нужных и ненужных вещей. Внезапная граната вот у него оказалась... Запасливый у меня друг.

— Мишка, фляга с тобой?

— Точно, фляга! Держи.

Оказывается, у обоих чудовищное обезвоживание. Взмокшее тело, отравленное обильно выброшенным адреналином и шоковым потом, настойчиво просило чистой воды. Вылебав на пару всю флягу, сразу почувствовали себя гораздо лучше.

— Чуть не сублимировали, — опять заворчал Сомов.

— Полная ревизия имущества! — вместо ответа отдал я первую толковую команду.

У меня тоже немало по карманам да чехлам распахано.

Что выяснилось через семь минут: ножи на месте, носимые тактические рации тоже, как и мой трансивер с функцией всечастотного сканирования, только вот сколько продержатся аккумуляторы, которые негде зарядить? Лишний раз сканер включать нежелательно — в приборе есть функция аварийной кнопки, когда в эфир уходит импульс повышенной мощности, по которому радиослужбы анклава смогут нас засечь и передать информацию по профилю. Батарею такой импульс посадит очень скоро, а дальность прохода километров двести от силы. Как обещал Вотяков, с момента старта его служба будет работать в усиленном режиме на трех базовых станциях, включая Донжон, чтобы не прошляпить.

И все-таки нужно просканировать эфир, может, Замок рядом. Или не рядом. А кто и что тогда рядом? Делать нечего, включил трансивер, на маленьком экранчике быстро побежали красные цифры.

— Курево, надеюсь, не потерял?

Гоблин, кивнув, уточнил:

— И две зажигалки.

У меня есть маленькое кресало, не пропадем.

У Сомова — большой лезермановский мультитул. Фонарей два, запасных батарей нет, остались в утерянных или

в беспардонно отобранных рюкзаках. Один складной бинокль лежит в моем нагрудном кармане. Солнцезащитные очки у обоих, очень ценно, да... Еще всякая несущественная мелочовка. Из посуды... только фляга и имеется, капец. Кстати, хорошо бы ее наполнить, опять хочется пить.

Бритвы, конечно, нет, а дикарями ходить противно. Придется бриться по-полевому, доводить клинки до нужной степени остроты. Ненавижу.

— Поднимаемся.

Встали. Почти не шатает.

Показалось мне, что услышал какое-то движение в лесу?

Лишнего нагнетаю, не нужно этого делать. За спиной — смешанный лес стеной, девственный подлесок под кронами. Впереди осинник. Вода шумит справа.

Искать драгоценное оружие начали совместно, по часовой. Как и ожидалось — пусто. На Сомова было страшно смотреть. Если я свой «калашников» еще смогу восстановить, как и «стимпанк», то его «девятку» и мне жалко до слез.

Над поляной висело серое преддождевое небо.

Мордой помню — трава на поляне хоть и влажная, но не мокрая, значит, пока не лило. Ничего, скоро польет. Птички поют, их много. Чирикают мирно, не встревожены. Где-то стучит дятел. «Приятно было сознавать, что ты не один такой», — пояснил Потапов, рассказывая о своих первых часах на Платформе.

С питьевой водой все будет в порядке: по правому краю зеленой поляны нашелся ручей. Скинув куртки, наспех умылись, набрали флягу, вдоволь напились. Стекая с ближних гор за лесом, лесной ручеек, небольшой и тихий, почти не виляя, проходил по дальнему краю поляны, прячась в зарослях низких кустов. Вода хорошая, вкусная, достаточно холодная. Посидели немного, глядя на темный бегущий поток с плывущими листочками, вслушиваясь в среду и в собственные организмы.

— Конфетку хочешь?

Хорошо, что у Мишки в запасе всегда есть карамельки для детей. Поблизости деток нет, значит, воспользуемся

сами. Голод не чувствуется, не отошли еще после транс-планетного перелета.

— Если это родная Платформа, то там, на большой поляне, — Сомов показал рукой в направлении сосняка, — должна стоять изба.

Хрусть! И сломал в руке ветку.

Согласен. Отличный маркер-идентификатор.

По всем понятиям, Смотрящие должны нас скинуть не на верную гибель, а на заботливо, как им представляется, подготовленное место, вклеив и спецжилье — избенку, к которой невозможно ни пройти случайно, ни проехать специально.

Тем временем сканер доложил, что эфир чист, нет поблизости работающих маломощных раций. Мощных, впрочем, тоже. Передатчик станции «Радио Россия» лупит примерно на семьсот километров, Вотяков не стал наращивать мощность после того, как еще одна станция встала в Шанхае. Глупо вещать на русском дальше Манилы, где никто не знает языка. Шанхай, кстати, тоже не слышно. Значит, мы отлетели прилично, вот такая печаль. Горы могут мешать? Могут, на высотку забраться надо бы...

Еще минут десять потратили на повторные поиски — для очистки совести.

— Болт! — Сомов подвел итог поисковых мероприятий. — Пошли, что ли, глянем, что в этом мини-отеле предлагают.

И мы углубились в заросли невысоких ив.

А почему птицы смолкли? Осторожно идем, привычно.

Буквально за третьим рядом деревьев в просветах угадывался контур большой рубленой избы. Жилье! Не наша постройка, опять «европа», что-то альпийское. Но эйфория не вспыхнула в груди спасительным теплом — никаких запахов. Ни еды, ни отходов, ни топочного дыма, ни копчения: нет там никого, брошена хатка.

— Это не локалка. Странная изба.

— Сгодится и такая, неужели опытные барсы локалку не найдут? — решил я и сразу остановился, вспомнив кое-что важное.

Мишка, уже успев сделать несколько шагов вперед, оглянулся.

— Что встал?

— Миш. — Я замялся, как-то стремно говорить о мутных страшилках. — Ты мне предлагал вспомнить рассказ Потапова, я тебе тоже кое-что напомним... Про другого Спасателя, останки которого нашли на Болотах восточнее Замка. Обсосанный пещерником английский черепок и обгрызенные кости ног... Ботиночки рядом. Лежал пластом после сброса, слишком долго в себя приходил. А там и пещерник подоспел, вот и нарвался. Глупая смерть... Ты эту тварь еще хотел гранаткой шмякнуть!

— Помню! — обрадовался Гоб, словно я ему слил классный анекдот.

— Между прочим, англичанин в той избе не побывал. Не успел зайти, иначе бумагу забрал бы.

— Точно, — подхватил Гоблин. — Не дошел, сожрали британского шпиона.

— Миша, бляха, будь добрее к людям... У Потапова имелась какая-то своя версия, когда ему рассказали, он упомянул.

— И что?

— Это не добавочка к переходу? Очередной тест.

— Да ладно тебе...

— Ладно, когда длинный нарезняк на руках и патронов к нему уйма! А вот так — не ладно, — вздохнул я.

Нет у меня серьезных доводов. Только все кажется, что за нами кто-то следит... Остороженько. И это не похоже на пещерника: тот не осторожничает, туповат.

Двора или усадьбы большая изба не имела.

— Записка ждет на столе, как думаешь?

Гоблин хмыкнул.

— Мы не спасатели.

Стандарт знакомого подхода, большой рубленый дом, щедрый расход качественного пиломатериала. Труба высокая, не дымит, и запаха дыма нет. А где же дровишки? Поленницы не видно. На чердаке с торцов имеются слуховые оконца. Дверь открывается наружу, массивная, прочная. Закрыта, а засова отсюда не видно... Солидное соору-

жение, с первого взгляда заставляющее новичков, недавно попавших на Платформу-5, уважать неведомых строителей. Вся серия такая. Прочные, на века поставленные срубы, очень качественно сложенные из толстых бревен красноватого цвета, на первый взгляд похожих на сосновые. Где бы они ни находились, всегда применяется один и тот же материал. Со склада Смотрящих.

Ясно, это Платформа, больше никаких сомнений!

— Может, в слуховое ломанем? — неожиданно предложил Мишган.

Ага! Задумался!

Могут быть сюрпризы внутри, могут.

Подходили на цырлах, старательно вслушиваясь и всматриваясь. Пусто, даже вблизи запахов не чувствуется. Щеколда полностью закрыта.

— Может пещерник щеколду открывать-закрывать? — задумался напарник.

— Прямо даже не знаю! — подхватил я.

Массивная входная дверь — старинная, какая-то средневековая, в металлической оковке по канту — открывалась налево и сейчас была закрыта на внешний засов, выполненный из прочной вынимающейся пластины. Вот и все сомнения — никого внутри.

Возле правого угла здания я замер — опять что-то зашуршало! Ползучей живности в лесу явно хватает, но шум несколько другой. Галлюцинации после путешествия или фактор? Полностью доверять травмированным органам чувств я пока не мог.

Дом прямоугольной формы, с крутой двускатной крышей, труба каменная — все сходится. Прошли вдоль массивных бревен сруба, сжимая в руках пистолеты, — ужас, никогда не предполагал, что буду на разведку с одними пестиками ходить! В длинных, метров в двенадцать, стенах хижины имелось по небольшому застекленному окошку, узкому, вытянутому — знакомая тема, таежная стилистика.

А вот и первый обитатель кордона — на дверном косяке по-хозяйски сидела здоровенная зеленая ящерица, вот

ведь мерзость какая... Хотел я ножиком ее распополамить, да пожалел, столкнул в траву обухом.

Можно входить?

Ну так и входи, чего встал.

Я переложил пистолет, взявшись правой за полосу холодного шершавого металла.

Опять шум! Гоблин тоже оглянулся.

— О-па! — крикнул он.

Медведь на краю поляны!

— Рви, Костя!

Рванул пластину что было силы — щеколду заело, не открывается!

— Кастет, мля!

Бурый платформенный медведь — для знающего страшней пещерника.

Он очень умный, упрямый и невероятно резкий. А размерчик в данном случае нормальный, побольше любого земного гризли-рекордсмена. Сомов три раза выстрелил — не по цели, а перед ней: пугнуть решил!

Медведь недоумевающе тряхнул головой, однако на всякий случай двумя прыжками ушел в сторону. Но не скрылся, достаточно быстро пошел по дуге! Он не знает, что такое огнестрельное оружие?

— Отойди! — От резкого толчка в плечо я чуть не упал на землю. Противно заскрежетал прихваченный ржавчиной металл.

Теперь уже я выстрелил пару раз — вот тут мишка что-то понял и скрылся за углом здания. Пипец! Сейчас выскочит!

Откуда? Закрутил головой, ожидая нападения.

Наконец Гоблин выдрал тяжелую пластину и рывком на себя открыл массивную дверь.

Заархивировавшись в две тонкие папки, мы прилипли друг к другу и со звуком «чпок!» продулись в помещение.

— Щеколду давай! — заорал я.

— Снаружи осталась! Не смог до конца вытащить! — гаркнул Гоблин.

— Ну ты папуас!

— Че папуас?! Заело!

Судя по топоту, медведь несся вдоль стены. Запирать надо, а чем? Тяжелая лапа на пробу шваркнула по твердому дереву. Не старайся, зверь, не выдавишь, ворота замка открываются наружу... Вытащив нож, я быстро сунул его в плоские петли: клинок прочный, из отменного металла, выдержит. Лишь бы не выскочил от тряски. Одновременно дал команду Сомову, чтобы распахнул форточки. Хищник уже понял, что кубышечка захлопнулась, сейчас начнет изучать, все стекла выдавит. А нам тут жить, чувствую.

— В задницу пошел, уродец! — проорал Гоблин в очередное окно.

Медведь подумал и тоже рявкнул, басовито, внушительно.

Гораздо страшней, чем Сомов. А, как сердечко забилося! Быстро в себя приходим с такой стимуляцией!

— Что предпринимаем?

— Валить его надо, вот что, — недолго думал напарник. — Просто так теперь не уйдет, он голодный и злой.

Не поспоришь. Запросто может в засаду встать, жизни не даст.

— И чем, интересно? — скептически поинтересовался я.

— Известно чем — твоим кольцом, у тебя патроны мощней, не мне же свои тратить. — У Сомова уже были ответы, смотри-ка!

— Ты молодец, конечно! Значит, я переведу на этого черта пару обойм, а где потом брать? Понимаешь, что он не боится огнестрела? Значит, в ближнем радиусе с патронами негусто. Если вообще поблизости есть люди...

Никакого внимания на окружающую обстановку — в избе пусто, и хорошо, большой огурец на интерьер — это все позже. Пока нас занимало тяжелое дыхание зверя за стеной сруба. По сути Сомов прав, валить медведя надо. Беспокойный он. Потолчется у избы, подумает... И поймет, что рано или поздно еда вылезет наружу! Медведи очень хорошо маскируются, а в засаде умеют сидеть долго и тихо. Будет осада.

Только как? Ну, продырявлю я ему пару мышц, в лучшем случае. Густая вязкая шерсть, толстая кожа, толстые и крепкие мышцы. Если найдутся знатоки, утверждаю-

щие, что мой пистолет — подходящее оружие для добычи медведя размером больше кадьякского гризли, то это легко проверить. Постройте в виртуальный ряд сотню опытных охотников-медвежатников и спросите, многие ли из них согласятся в охоте на легендарном острове променять свой ствол на мой?

— Пошли, Гоб, сверху глянем.

Мы быстро поднялись на чердак, в котором можно было обустроить шикарную мансарду. Иногда на таких чердаках Смотрящие прячут зачетные ништяки. В данном случае на виду ничего не лежит вроде, лишь много сухой травы. Потом будем смотреть.

— Видишь его? — спросил Гоблин от своего окошка.

— Прячется, гад.

— Не прячется, а у окон пасется, заглядывает. А так бы хорошо... Сверху, да в башку! Из кольта, — опять уточнил Мишка.

Надо что-то придумывать. Через окно успею сделать максимум один выстрел — сразу отпрыгнет, говорю же, очень резкий. Ладно, выстрелим одновременно... Черт, как же жалко патронов! Эта пальба никоим образом не решит ключевых проблем возвращения. Я еще ничего не знаю о местности, о районе, о потенциальных угрозах! Трахома, какого черта ты выскочил, лохматый? В самый неподходящий момент.

Неужели еще один тест на профпригодность? Не эту ли версию держал в голове Федя Потапов?

Спустились вниз. Медведь пару раз мелькнул перед окнами, я даже ствол выхватывал. Наудачу палить глупо, ранишь слабо — разозлишь конкретно. Это не легенда, что все медведи очень мстительны. Впрочем, росомахи тоже. Начали этап возвращения домой... с обретения врагов.

Тут меня осенило.

— Гоб, а давай его гранатой взорвем!

Он посмотрел на меня как на предателя.

— Ни за что.

— А в Болотах был готов пещерника рвануть! Почти в аналогичной ситуации.

— Ни! За! Что! — отдельно повторил напарник с самым обиженным видом.

Будто я предлагал не самый оптимальный выход из положения, а собрался отобрать у маленького мальчика любимый красный барабан с желтыми треугольниками по кайме. Мне же кажется, что придуман очень изящный вариант. Бумц! И клятый медведь нашпигован горячими осколками, у Сомова не хлопушка наступательная, а солидная Ф1.

Однако ссориться с другом я не буду.

И тут Гоблин разозлился по-настоящему!

Углядев что-то, он ломанулся в ближний правый угол — и вот уже, тащит!

Старое посеревшее древко толщиной в мое запястье, наконечник — четырехгранный заостренный лом, приваренный к стакану. Это же пешня, которой долбают лед, делая зимой прорубь! Стоп! Интересно, интересно...

— Мишка, поблизости есть река.

— К бесам эту реку! Становись к соседнему окну! — И он изготовился с пикой наперевес, взяв адское оружие не так, как держит свое оружие гарпунер, а двумя руками, наперевес.

Ему бы в древнегреческой фаланге стоять, неприятеля издали крушить...

Вытащив пистолет, я пристроился слева от разъяренного друга, готового убить за свою любимую гранату.

— Кис-кис... Цыпа-цыпа-цыпа! — забубнил Сомов, стараясь убедить медведя подойти к узкому окошку. — Кастет, может, руку высунешь? На секундочку.

— Может, кое-что другое высунуть?

Гоблин довольно зареготал, в группе устанавливалась рабочая боевая обстановка.

Наконец медведь услышал и подошел к окну, за которым стоял пикинер. Вот хитрая тварь! Хозяин тайги не стал выстраиваться во фронт, а пристроился бочком, запустив огромную когтистую лапу внутрь избы, желая зацепить противника. Напрасно, Гоблина тебе не переиграть.

Сомов отодвинулся к краю, примерился и что есть дури всадил пешней по цели — тут же раздался громкий рев!

Медведь отпрянул от окна, я видел, как пешня, вылетев из рук напарника, исчезла в один миг!

Где ты, Винни?!

Вот он! Я успел выстрелить два раза в бочину, и оба попал.

Рев стал громче. Рядом грохотнул парабеллум Сомова.

— За угол ушел!

— Наверх! — скомандовал я.

Друг за другом уже знакомым путем полезли на чердак.

— Скачем, как макаки...

— Тише ты! — толкнул я Мишку. — Вижу!

Раненый медведь сидел на земле напротив торца здания, стонал и пытался вытащить пешню, глубоко засевшую чуть ниже левого плечевого сустава. По шерсти слева текла кровь.

— Добыли! — горячо выдохнул Гоблин прямо мне в ухо.

— Не кажи «гоп»...

— Гоп!!! — И он, выставив пистолет в слуховое окно, всадил четыре пули в открытую грудь. Я тоже добавил, один раз, чувствуя, что уже хватит.

Медведь тяжело застонал и повалился на бок.

Охота закончилась.

С матюками в помощи расшатав застрявшую щеколду, Сомов наконец выдернул засов и уже надежно запер дверь.

— Вдруг дружки подвалят, — пояснил он.

Выходить мы не торопились. Пусть отлежится, от греха.

Можно осматривать находку.

Большой прямоугольник сруба внутри не был разделен на объемы — нашим глазам предстала всего одна огромная комната, посреди которой в два ряда стояли деревянные опорные колонны. Да тут целый взвод разместится, даже на кубрики разделить несложно! В центре помещения у стены доминировал традиционный Главный Подарок от Смотрящих — модный каменный камин с толстой дубовой полкой поверху.

Помню, как я растерялся, увидев такой впервые...

До этого практически не имел с ними дела. Встречались мне печи русские и голландские, очаги по-черному в лесных избах, то лучше, то хуже, изредка с широким подвесным конусом жестяной вытяжки-трубы, чаще сложенные вообще по-дикому. Печи всех мастей, буржуйки, солярочные капельницы. Но чтобы камин! Да еще с причинами...

Потом мы к ним привыкли, приспособились.

Возле жерла в специальной подставке стояли две кочерги, несерьезные, маленькие, словно мы находимся в таинственной Европе из другой реальности. Больно уж цивильно-манерно эти железки выглядят, такое годится для горной Австрии со Швейцарией, а не для одинокой лесной избы.

Потолок так просто шикарен — высокий свод поддерживали стильно потемневшие толстые балки. Стол один, у окна, большой, со столешницей сантиметров в восемь толщиной, такую красоту хорошо осколком стекла скрести вместо мытья, массива еще для правнуков останется. Над столом висела длинная кованая цепь, зловещим черным крюком закрепленная на потолочной балке. Это светильник, старинный, масляный.

В целом вывод можно сделать один: изба свободна, никто тут не жил.

Нам достались два широченных топчана пятиметровой длины — спальные места. Матрацев нет. Есть четыре пня вместо стульев. Возле двери висит небольшое облезлое зеркальце, круглое — такие не раз встречались в найденных избах. Что поделать, у Смотрящих своя «ИКЕА», разнообразием обстановки не балуют.

По другую сторону двери из стены торчал пяток кованых гвоздей с широкими шляпками, жаль, повесить на них пока нечего.

Негусто. Ни комода тебе, ни ящика. Погреба, кстати, тоже нет, однако при нынешних температурах воздуха это не критично. Понадобится — сделаем сами. Под потолком по всему периметру избы тянулись деревянные полки — снизу не видно, пустые они или что-то ценное там лежит, подниматься надо. Вроде бы что-то виднеется...

На каминной полке стоял большой медный чайник — страшный раритет и дефицит в анклав, медный же котел правильного размера и половник на длинной ручке из посеребрившегося от возраста дерева. Сбоку от камина на стене красовалась средней величины сковорода, тоже медная. Это все чистить надо, в патине посуды.

А ведь сухо в избе!

Если стены толстые и теплые, то камин — это хорошо, вне зависимости от широты и сезона. Польют затяжные дожди — одежду сушить можно, сырость из помещения выгонять. Будем растапливать. Хоть готовка пока не высвечивается, условия дня нее созданы — внутри очага установлена кованая жаровня на ножках. Камин давно или же вообще никогда не топлен, даже следов пепла не видно.

Запах дыма — лучший сигнал «занято», отличная метка, действующая безупречно даже на самых отморозенных зубастых охотников. Упаси господи, вдруг тут медвежьих места... Хищники, если есть поблизости, все равно припрутся, только уже не с тупой уверенностью в собственных силах, а чисто посмотреть для начала, примериться — можно сожрать пришельцев влегкую или же стоит поискать в качестве добычи чего попроще? Будем надеяться, что заваленный медведь конкурентов сожрал или отогнал подальше.

Нормальных дров Смотрящими не припасено, лишь жидкая стопка тонких полешек прислонилась к камню сбоку от очага. Гоблин быстро нашел у стены за столом скандинавского вида топор с длинной бородкой и вполне современную пилу-ножовку, плоховато вооруженные сталкеры получили еще один плюс-импульс. С дровами просто: пилить пока ничего не будем, надо только собрать сухие ветки, для хорошего огня это то что надо. Щепочек наколем — все как обычно, дело привычное. Вот зимой в минус сорок, да в заледеневшей и занесенной по крышу избушке, которую только что откопали, да буржуйку бестолковую замерзшими руками затапливать... во где гемор! А тут просто курорт.

Есть база, как же это важно! Из опыта знаю: чем быстрее обустроишь первичное гнездо, тем меньше будет реф-

лексий, ночных нервных вздрагиваний и панических атак от неожиданных шумов. Человек с хорошим жильем есть человек защищенный.

— Костя, ты запаливай, а я дальше осматривать начну.

С камином сложностей нет.

Открытый очаг, если вынести за скобки всю романтику.

По сути примитивнейшая вещь. Топить такой нужно маленькими порциями, неторопливо, начиная с тонких лучин и уже потом переходя на серьезные дрова. С нормальной печкой не так: всю порцию дров суешь сразу, после лишь подбрасывая поленья.

А вот воздушная пробка и здесь может быть — это когда нет движения направленного потока воздуха через конструкцию и дымоход. Она из-за многого может возникнуть. Тут и низкое атмосферное давление, влажность... кабы не наш случай. В дымовой трубе вообще часто накапливается влажный воздух, если печь долго не топили. Порой при определенном направлении ветра печку просто невозможно кочегарить, мешать могут близкие деревья, горка или склон, а иногда и форма крыши, все, что направляет ветер прямо к трубе. Лучше всего ее удлинить, если это возможно. Деревья можно вальнуть.

Принцип устранения воздушной пробки прост: надо создать толчок для возникновения тяги, правда, иногда задуманное очень трудно осуществить, особенно в сложных погодных условиях. Вообще-то при розжиге все косяки и дурь неумех, приводящие к поддымлению или полному задымлению хаты, принято списывать на несчастную «пробку». Убирать ее принято сжиганием бумаги под сводом. Газетки у меня не было, пойдет пучок тонко наструганной на конце палочки стружки.

— Гоб, зажигалку давай.

Черт! Расслабился. Разжигая, неудачно сунул руку и немного обжег палец, сразу схватившись за мочку уха, — сам удивляюсь, но этот народный метод всегда работает.

По полу заскрежетало: Сомов двигал тяжелый стол к полкам. Выдержит этого кабана? Выдержит, серьезная конструкция. Потом он начал поднимать на стол чурбак.

Что заставляет Смотрящих городить полки так высоко? Увольте там своих дизайнеров, хозяева!

Фу-ух... В трубе наконец тихо загудело, можно топить.

Комната сразу обрела обжитой вид и запах. О! Другое дело.

Тем временем торжествующий Гоблин снял с полки и поставил на стол четыре жестяные банки, одна из которых была с завинчивающейся крышкой, и стеклянную бутылку с деревянной пробкой. Есть стандарт!

Крупа, в нашем случае это оказался рис, сахар серого цвета, очень сладкий, крупная соль и растительное масло неизвестного генезиса.

— Кружок нет?

— Три штуки. В самый дальний угол вкинули, сволочи космические, придется стол переставлять, — пропыхтел напарник.

— На улицу выйду, рядом, — предупредил я.

Прихватив с собой вполне боевой топор и сделав зверскую рожу в зеркальце, я вышел наружу. Положив руку на кобуру, быстро обошел дом по кругу, обнаружив, что ни сарая, ни другой хозпостройки группе не подарено. Медведь лежал темной кучей, поза не изменилась. К задней стене избы был прилеплен длинный козырек навеса, под которым будет удобно хранить дрова. Толчка не обнаружил, о бане и мечтать не приходится.

Одинокий дом на одинокой полянке.

Все остальное, если вам надо, сделайте сами.

И все равно — красота! Курортное местечко.

Однако насладиться элементами намечающегося уюта я не успел — вдалеке гулко грохотнуло, потом еще раз. Елки-палки, гром гремит! Плохие новости, вполне возможно, скоро ливанет. «И зальет все потенциальные дрова, которых вы пока что и не думаете собирать», — мелькнула в голове тревожная мысль. Пора бы двигать, вода и топливо сами по себе в дом не придут... Так это ты уже расслабился от обретений, ворчишь...

В камине, потрескивая, горели сучья, горячий чайник, стоя на жаровне, подогревался возле пламени. Нормально. На столе так просто изобилие — рис, сахар, масло!

Только присел...

— Et voilà! Вот вам приз, салабоны! — крикнул Сомов сверху.

Француз нашелся...

— Что там?

Гоб, с трудом сделав спокойное лицо, поведал сверху:

— Далеко не пусто в сундучке! — и добавил интригующе: — Тут много интересного.

— Не томи, доставай уж.

Нарочито небрежно Гоблин протянул вниз лапу, в которой было зажато ружье. Я принял. Трахома, да это же сибирка!

— Товарищ Сомов, нам очень повезло.

— Думаешь? — спрыгнув на пол, с сомнением буркнул Мишка и небрежно положил на столешницу круглые жестяные коробочки — маленькую и большую. А также кожаную пороховницу, холщовый мешочек, смотанный в кольца свинцовый прут и простейший жесткий шомпол. А у самого в глазах — бешеная радость! Врешь, подлец, не верю я твоему актерскому мастерству.

— Еще бы... «Тигра» потерял? Вот тебе замена. Дульнозарядное капсюльное ружье, в свое время широко распространенное в северных поселках. Характерный шестигранный ствол, длина, вес и вид. Легкое, очень надежное и, что важно, универсальное.

— Из столиц возили?

— Да с какого такие дали? После того как царь-батюшка разрешил частное производство огнестрела, фабричек наплодилась уйма. Первым делом в Сибири. Скорее всего, это не просто сибирка, как их называли, а «сузгунка» — ружье работы знаменитой мастерской в поселке Сузгун, что находится неподалеку от Тобольска. Очень неприхотливые, эти ружья оставались у понимающих людей вплоть до восьмидесятых годов прошлого века. В коробке капсюли?

Мишка торопливо вскрыл объемы.

— Ага. И порох. Пороховница пуста. В мешочке мягкий войлок.

— Вот и отлично, полный комплект.

— А пулелейка?

— Не нужна она. В том и универсальность! Пользоваться просто и удобно, пуль не надо, стреляли жеребьями. Охотник шел по лесу, замечал дичь и, в зависимости от того — какая, храбро откусывал кусок свинцовой проволоки нужной длины по размеру и дистанции. То есть одним калибром били все подряд. У тебя зубы как, не болят? Надо — на глухарика. Надо — на оленя, да хоть на медведя! Еще и с порохом играли, по обстоятельствам. Очень экономично — тогда не только патроны дорожи были, но и гильзы, капсюля, дробь... Короче, отличный вариант. Конечно, нужно опыта набраться, почувствовать машинку.

Уже не забрать.

Да и пусть владеет-таскает. Потренируется пару дней, и ништяк. Как во всяком деле, тут важен навык, а главное стрелковое упражнение заключается в нехитром тренинге рук и поясницы — тупой китайский подвиг стояния со вскинутым к плечу ружьем.

— «Тигренком» назову, — решил Мишка и нежно погладил рукой приклад. — Прямо сейчас и пальну! Пороха сколько, три грамма хватит?

— Скорее всего, надо пробовать. Мерный наперсток поищи.

Какое-то время разбирались с ружьем, потом зарядили и, взяв инструменты и котел, пошли за дровами да по воду.

Ба-бах!

— Зачем по медведю! — возмутился я.

— Резко бьет киска, — улыбнулся Сомов. — И точно. Хорошо бы ложе заново в масле проварить...

— Мазаться будет.

Он только махнул рукой — мол, какие мелочи.

— Надо погон сообразить, я там веревку видел. И зарядить.

И друг, нагло положив на траву топор и пилу, бегом побежал в избу.

— Куда! — возмутился я.

— Костя... Ты это, пожрать что-нибудь приготовь! Я сам дров наломаю!

Что ж, так мне даже лучше, пусть рубит и таскает, лучше сразу создать добрый запас.

Свинцовые тучи все темней, и их все больше. Хорошо бы успеть.

— Мишка, сучья таскай, так быстрее будет!

— Понял!

Накинув медный котел на плечо, я пошел к ручью.

Вскоре в котле уже грелась вода. Кашу буду делать. С мясом. Медвежьим.

Тем временем в лесу уже затрещало поваленное дерево. Не послушался... Гоблин любит все делать капитально.

Наша Зенгерша строго-настрого запрещает употреблять медвежатину без анализа, поэтому все наши охотники берут образцы для проверки в лабораторию...

Земной хищник пяти лет от роду болен трихинеллезом с вероятностью до девяноста процентов. Инкубационный — две-три недели, при очень сильном заражении срок может сократиться до двух—семи дней. Если это северные виды трихинелл, то инкубационный период может достигать полутора месяцев, с тяжелым течением заболевания. Сплошной кошмар... Легкая форма проявляется повышенной температурой, болями в мышцах, отеками и продолжается в течение недели, не меньше. При тяжелой форме первоначально появляются боли в животе, тошнота, рвота, понос, бессонница, возбуждение, резкая слабость, постепенно поднимается температура... После этого начинают мучить боли в мышцах, отеки, сыпь с кровоизлияниями и нагноениями. Страдают сердце, легкие, печень и мозг. Миокардит — во всех случаях тяжелого течения, он и служит основной причиной смерти.

Избавить мясо от трихинелл крайне сложно, придется кипятить в течение трех часов, если куски не толстые. Впрочем, с медвежатинной так и будет: мясо жесткое — чем дольше варишь, тем мягче. Часов шесть. Посол и копчение не помогают, как и обжарка.

Но здесь не Земля. Пока что лаборантами Медцентра не выявлено ни одного случая заражения! Косолапые на Платформе здоровые. Пока...

Я подстрахуюсь, хоть и знаю, что это самообман, —

привычка: тонкие пласты хорошо обжарю и только потом смешаю с вареным рисом. На добросовестную разделку, как и на многочасовую варку, времени не было, и потому я просто пошел и вырезал подходящую часть филе. Поедим, переждем ливень, который наверняка случится, потом уж займемся дичью вплотную.

Кипела вода, разбухал рис, на жаровне шипели тонкие полосы медвежьего мяса.

Вышел посмотреть — как там, на лесоповале?

Гоблин шел к избе, как трелевщик, зажав под мышками сразу две приличного размера сосны. Даже сучьев обрубать не стал.

— За дом сворачивай! — крикнул я заботливо. — Там навес! Ой, как бы мясо не пережарилось!

И удрал в избу. Полило через двадцать минут.

Мишки все не было, а я уже смешал — пусть настаивается.

Дождь быстро не закончился, превратившись в хороший тропический шторм, в перспективе грозящий перерасти в ураган. Время шло, вечерело... Я принялся за оживление нового жилья, тихо возюкался, растаскивая и раскладывая. Похоже, дальнейшую разделку придется продолжить уже завтра. На улице выло и вздрагивало. Хорошо сидеть в тепле!

— У робинзонов крузов всегда так происходит, — пробурчал Сомов в сторону камина, проходя в избу с большущей вязанкой дров. — Только начнешь прибарахляться, как стихия срезает излишнее, что за стерва.

— Садись за стол. Ложку держи, какая уж получилась.

— Зашибись! У-у! Запах какой! Все сожру! А знаешь, там обрыв есть. И реку видно. В этот обрыв остатки дичи и сбросим, чтобы не разводиться возле жилья тухлятину, птички-лисички быстро растащат.

— Есть все-таки река?

— Ага. Небольшая. Не Волга...

Сыто икнув, Мишка закурил.

Вот теперь можно браться за другие хозяйственные дела. И прежде всего надо быстренько разобрать трофей, а

потом помыться. Перед этим нагреть побольше воды, благо нашелся медный таз и два оцинкованных ведра — за дровами, под навесом.

Шторм почти стих. Уже оживилась мелкая птица, запела, зачирикала на радостях. Все чаще выходящее из рваных остатков свинцовых облаков закатное солнце быстро превращало пейзаж в открыточную картинку.

Третью кружку выдуваю, все не могу напиться.

У сталкера высшей категории жизнь всегда хороша.

— Ну что, Гоб, хватит нежиться, пошли посмотрим на реку.

Вполне может быть, что это не единственная артерия.

«Странные избы», так сталкеры называют подобные строения. Возле них хорошо сбрасывать спасателей или бойцов, возвращающихся со специальных заданий. Однако чаще они попадаются пустыми: есть версия, что такие строения предназначены для точек роста, будущих поселений. Не амбары с припасами, а именно жилые... Дороги возле них встречаются, вот что важно, как и возле некоторых локалок. Характерная особенность — грунтовка никогда не подходит к строению вплотную, обрываясь за несколько сот метров.

— Готов!

— Тогда веди, — решил я.

Берег небольшой таежной реки.

Много темной колючей зелени и птиц на воде. Вода в реке прозрачная, однако темная, значит, грунт каменистый. Очевидно, что зверски холодная, насыщенная кислородом, такую любят рыбы благородных пород. И она питьевая. В вышине треснула веточка. За спиной стоял небольшой лес островком, который надо бы осмотреть подробней, но я только слушал, не в силах оторвать глаз от водной глади.

Никаких признаков цивилизации.

Не гудят на реке моторы, не тянется по небу... ни хрена. Впрочем, там пока ничего не видно, все до сих пор затянуто сплошной пеленой тонких серых облаков, в той стороне еще идет дождь. Подойдя к обрыву с правой стороны

узкого, заросшего ивняком овражка, я осторожно вытянул голову. Неудобное место, вниз видно плохо.

— Ты смотрел, что непосредственно под нами?

— Я высоты боюсь! — дежурно отшутился бывший десантник.

Пляж-полка имелась только в одном месте, на большом протяжении берег обрывался в реку стеной. Медленное течение постепенно подмывало мягкий грунт правого берега, постепенно меняя русло, земля осыпалась, одиночные сосны, осмелившиеся произрасти в опасной зоне, падали в воду и уходили в путешествие к низовьям. На галечной полке лежала груда наваленных друг на друга деревьев, вынесенных течением...

Назад! Ух, черт! Чуть не свалился, кромка осыпается.

Лес вырос на холме. С правой стороны, как и к воде, он заканчивался обрывом. Слева виднелась узкая поляна, даже нормальное дикое поле, спускающееся к реке. Примерно через километр там опять начинались береговые заросли, стоящие уже в низине. Из-за холма на реку смотрели горы — невысокие, сплошь покрытые густой зеленью. Заметил ручеек.

За склоном простиралась окрашенная заходящим солнцем безбрежная равнина холмистой тайги. Вдалеке — еще один горный массив, со снежными шапками. Тут и там виднелись редкие полянки, в паре мест подальше зеленели нормальные «поля» в несколько гектаров. Наверняка там бродят тучные и жирные стада дичи, чувствую, поохотимся.

— Хреново, Гоб.

— Отчего печалька?

— Мы на возвышенности. А радио родное все не ловится.

— Значит, подберемся ближе. Что это там? Дай-ка...

Наглый Гоблин залез в нагрудный карман и вытащил мой бинокль.

Тут и мой взгляд уперся в неожиданное.

— Мишка, дорога?

— Точно! Дорога!

Извилистая коричневая ниточка грунтовок змеилась по равнине, приходя с севера, и пряталась за холмом, на

котором мы стояли во весь рост. Обрыв тянулся и дальше, постепенно понижаясь, лес мешал обзору слева.

— Кастет, лодка на реке!

Пошли события!

В километре от нас по реке двигалось темное пятнышко. Катер?

Трахома, Гоб, где моя оптика?!

— Присели.

Напрягая глаза, я изо всех сил старался разглядеть движущийся объект, отметить хоть какие-то подробности. Черт, как мало освещения, что за невезуха. Словно услышав мои стенания, выглянувшее из-за туч солнце сразу добавило света и красок.

— Бинокль верни, в глаз дам.

Так, ребята, это не катер и не моторка. Теперь я уже не сомневался, что по реке плывет обыкновенная лодка, даже не парусная. Пять человек, четверо на веслах. Тип судна интернациональный, без особенностей, лодка и лодка. Через несколько минут она вышла на видное, хорошо освещенное место, но я так и не смог заметить у человека, сидящего на кормовой банке, черного штриха висевшего за спиной ствола. Нет оружия?

— Дай бинокль! — теперь уже попросил Гоб.

Знаете, мне не хотелось тарзанским голосом прокричать «Э-ге-гей!» и «Мы тут, друзья!». Вот совсем не хотелось.

— Шляпа на дне лежит.

— Что за шляпа?

— Азиатская, конусная, в Шанхае таких навалом видели.

Сюрприз...

Лодка уходила за каменный мыс.

Хватит пока. Так, значит... Картина частично вырисовывается. Впереди река, где-то за спиной, по нашему берегу — грунтовка. Артерий в округе хватает, будем разбираться.

— Завтра прочешем лес, найдем грунтовку, — решил я.

Больше на берегу делать было нечего. Только скинуть неделовые остатки разобранного медведя. Хорошо бы,

кстати, сохранить шкуру, может пригодиться. Поскоблить да распялить на чердаке — там труба, тепло, сухо.

— Что, командир, пошли вкалывать?

— Пошли.

Хм... Почти обжились.

ГЛАВА 2

Первые реальные итоги. Одни в дикой местности

— На берегу вполне может быть заныкана лодка, — задумчиво молвил Мишка, когда мы сели за стол после разминки.

Он частенько просыпается первым, вот и в этот раз — я встал, а завтрак почти готов. Как же я люблю «странные избы», жаль, очень редко попадаются... Они капитальны настолько, что в определенных ситуациях вполне можно обойтись без ночных дежурств. Поплясали на полянке, сделав несколько упражнений, сбегали к ручью, взбодрили кожу холодком — и в избу. Завтрак и заседание Штаба.

Не выспался, трахома... Вчера допоздна готовились к предстоящему рейду. Сооружали простейший станок — деревянную конструкцию стягивали сырыми медвежьими жилами, потом подкоптили для прочности. Решили, что одного хватит.

— Вероятность есть, Смотрящие любят пехоту, — согласился я, обмакивая сладкую палочку в горячий чай.

Дверь в избу не заперта. Сталкерам нельзя сидеть взаперти, только начни... Неизбежно возникнет боязнь выхода, синдром затворника. На дворе в три хора заливаются лесные птицы, наши маленькие охранники, они в случае чего и сообщат о тревожном. В свое время Федя Потапов рассказал о многих лесных приметах, да и собственный опыт сказывается. Люди должны показывать среде, кто в доме хозяин, это чувствует любой хищник. Кроме тупого пещерника, конечно. Так он сюда и не пролезет.

Вышли через полчаса.

— Мишган, не хочешь отдать мне гранату? — спросил я самым невинным голосом.

Тот вскинул брови.

— С какого это рамсы перепиливать?

— У тебя два ствола, у меня один, нечестно... Вот и выровняем баланс! Что нахмурился? Да ладно тебе, шучу, та-скай на здоровье!

Удобный спуск нашли не сразу, первые десять минут потыкавшись в чащобу. Наконец повезло — слева, если смотреть от дома на реку, обнаружился длинный начес. Здесь когда-то случился мощный оползень, резко уменьшивший угол склона. Мягкий грунт быстро зарос травой, а вскоре обнаружился и наш ручей — мягонько, без шумных водопадов, стекая по крутояру, он выбрал максимально удобный путь к незнакомой реке.

К реке добрались быстро, не встретив никакой живности.

У самой воды распадок с прочесом расширялся до трех сотен метров. Берега и склоны на обоих почти на две трети поросли частым еловым лесом, в тени таких деревьев сумеречно даже днем. Не видно никаких следов людей, даже намек... Побродили, тревожа длинными палками заросли низкого кустарника.

— Хрен нам, а не лодка, — расстроился Сомов.

Я тоже плюнул в сердцах. Надежда ведь была!

— Давай-ка, Гоб, поднимемся по склону повыше.

С высоты еще раз внимательно осмотрел реку в бинокль. Нет ничего интересного, только перед ближним поворотом что-то стоит на песке перед соснами.

— Сходим?

Гоблин кивнул, перехватил сибирку и осторожно начал спускаться.

Так, торопиться не надо, здесь берег представляет собой широкий бугристый галечный пляж, округлым мысом выдающийся в реку... Когда идешь, из-за бугров линия пляжа просматривается недалеко, легко можно влипнуть в неожиданное. Выше по течению на противоположном берегу ярко блестит природный ледник, солнце туда почти не достает, растает только в июле...